

ДЕТЕКТИВЫ О ЖЕНЩИНЕ – ЦУНАМИ

Анна Ольховская

Папарацци идет по следу

Анна Ольховская

Лети, звезда, на небеса!

«Соболева Анна Николаевна»

Ольховская А.

Лети, звезда, на небеса! / А. Ольховская — «Соболева Анна Николаевна», — (Папарацци идет по следу)

ISBN 978-5-699-37645-2

Знаменитый певец Алексей Майоров и его жена Анна Лощинина ожидают рождения первенца. Майоров сдувает с любимой женщины пылинки, не отходит от нее ни на шаг. Но однажды... Ему подбрасывают конверт с гнусными фотографиями, доказывающими измену Анны. Вдобавок Алексей узнает, что бесплоден. А значит, долгожданный ребенок чужой!! Счастье, надежды, мечты разбиваются вдребезги? Я вас умоляю! Свято место пусто не бывает. На него давненько метит кроткое наивное создание с острыми зубками – костюмерша Алексея. Вот уж она-то ничего не упустит! Гордячку Анну на все четыре стороны спровадит, благо та готова уйти в чем была; деньги Майорова к рукам приберет, а там, глядишь, и отправит звезду на небеса...

ISBN 978-5-699-37645-2

© Ольховская А.

© Соболева Анна Николаевна

Содержание

Пролог	5
Часть I	9
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	31
Глава 9	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анна Ольховская

Лети, звезда, на небеса!

Пролог

Здоровенный араб, чья борода вела себя весьма нетрадиционным способом – она не ограничивалась пространством щек и подбородка, буйная растительность стекала вниз, стремясь слиться с родней на груди, – смотрел на Стивена, словно на кусок рахат-лукума. Араб даже слюну пустил от вождения. И только надежные фиксаторы, удерживавшие подопытного в специальном кресле, обеспечивали пока сексуальную неприкосновенность мистера МакКормика.

Стивен покачался с пятки на носок, брезгливо рассматривая творение рук своих. Напрасно он это сделал. Любые телодвижения объекта своей страсти араб воспринимал, похоже, как элемент любовной игры. Возбужденно заухав, верзила рванулся к лакомому кусочку. Фиксаторы истерично взвизгнули, будто предупреждая, что держатся исключительно на энтузиазме.

Лакомый кусок грязно выругался, пнул своего обожателя в коленную чашечку и выскочил из лаборатории.

Стивен МакКормик, глава секретной лаборатории ЦРУ, надежно спрятанной в горах Чехии, мрачно рассматривал идеально чистые стенки лифта. Впервые в жизни его коробила их безупречность. Очень хотелось привести помещение в соответствие с тем мраком, который царил сейчас в душе мистера МакКормика. Заплевать их по-быстрому, что ли? Или поцарапать? Или...

Будто почувствовав угрозу надругательства, кабина лифта остановилась и испуганно распахнула створки. Словно раковина-жемчужница.

Вот только выпавший из нее объект мало походил на безупречную жемчужину. Скорее – на продукт жизнедеятельности рака-отшельника. Тщедушненький такой, очкастенький – классический тип ученого не от мира сего, полностью погруженного в свои исследования. Таких соотечественники Стивена любовно называют «яйцеголовыми».

Собственно, мистер МакКормик действительно с головой погрузился в свои исследования. Поэтому походил на продукт жизнедеятельности ракообразных еще и запахом. Поскольку исследования Стивена меньше всего напоминали прозрачный ручей знаний. Гнилое болото – вот более точное определение.

Ведь объектами экспериментов были не мышки. И не крыски. И даже не морские свинки. Объектами были люди. Пусть даже не самые лучшие представители рода человеческого, но – все же люди.

Хотя широкой общественности этот факт знать совершенно ни к чему. Ведь граждане США хотят быть уверенными в торжестве демократии? Хотят. И не только в родной стране, но и по всему миру.

Правда, некоторые государства в силу ограниченности и неразвитости населения вовсе не горят желанием соответствовать интересам США. Они продолжают тупо упираться и разводить вредную демагогию. Что-то там насчет свободы выбора, права наций на самоопределение и прочей ерунды.

Обычно в этих странах начинается разгул террора: взрывают школы и отели, дипломатические представительства и просто большие скопления людей. Похищаются иностранные граждане, которые не всегда возвращаются живыми. То одна, то другая террористическая группировка берет на себя ответственность за происходящее, местные власти не справляются с

ситуацией, и вот тогда наступает черед США. Укоризненно качая головой, правительство этой бескорыстной страны приходит на помощь несчастным.

То есть высаживает войска, ставит во главе страны своего человечка, и все приходит в норму. Почти.

И только ну очень посвященные люди знают, что часто террористы являются выпускниками лаборатории МакКормика. Нет, он вовсе не делает из подопытных тупых зомби, заряженных на выполнение одной-единственной задачи. Это было бы слишком грубо и моментально вызвало бы подозрение.

Из рук мистера МакКормика выходят люди, практически неотличимые от оригинала. То есть от себя самих до пребывания в лаборатории милейшего Стива. Они продолжают жить той же жизнью, занимаясь привычными делами, общаясь с друзьями и знакомыми. Никто не замечает ничего подозрительного. Ну, если только некоторую холодность и равнодушие, безэмоциональность, присущую рептилиям. А поскольку в руки МакКормика попадали отнюдь не выпускники Гарварда и Йеля, подобное поведение не бросается в глаза с криком: «Ну посмотрите же, он был такой душка, а теперь – гадский гад!»

Материал для опытов МакКормику поставлял Винсент Морено, полевой агент ЦРУ. Винсент отлавливал по всему миру особо отличившихся своей жестокостью членов террористических группировок и тайно привозил этих славных ребят в секретную лабораторию Стивена.

И если ранее эти члены подчинялись только приказам своих лидеров, то теперь они поступали так лишь до тех пор, пока не звонил маленький мобильный телефончик, который всегда находился при них.

И гремели взрывы, исчезали люди, лилась кровь... Демократия продолжала свое триумфальное шествие по планете.

Система давно была отлажена, и до сих пор не случалось никаких сбоев. Пока Морено не приволок на секретный объект эту бабу!..

Сплетая незатейливые кружева ругательств, Стивен раз за разом вставлял магнитную карточку в замок двери. Но вместо приветливого подмигивания зеленым глазом дверь угрюмо сверлила МакКормика красным и открываться категорически не желала.

Да что же это такое сегодня! Великий ученый, рассвирепев окончательно, саданул по двери кулаком. И тут же, взыв от боли, стал баюкать ушибленную руку.

– Эй, Стив, ты зачем в чужой кабинет ломишься с упорством носорога? Вот и рог ушиб. – Насмешливый голос за спиной отнюдь не вызвал у МакКормика положительных эмоций:

– Морено, а не пошел бы ты в...!

– Боже мой, какой изысканный слог! – насмешливо фыркнул смуглый темноволосый мужчина, чья внешность и раньше активизировала у невзрачного Стивена глубоко спрятанный комплекс неполноценности, а в данный момент злила его невероятно.

Впрочем, нынче великого ученого раздражало абсолютно все.

Тем временем Морено подошел к искрящему от ярости коллеге, забрал у него магнитный ключ и вставил его в прорезь соседней двери. До сих пор взиравшая на быющего в припадке хозяина с некоторым недоумением дверь облегченно вздохнула и распахнулась.

– Прощу, – Винсент склонился в шутовском полупоклоне, пропуская вперед сердито сопевшего Стивена.

Можно было бы пафосно описать, как мистер МакКормик торжественно-печально прошествовал мимо кривляющегося коллеги, устремив просветленный знаниями взор в видимое лишь ему будущее.

Но, увы, величайший ученый вовсе не собирался соответствовать канонам образа. Он влетел в свой кабинет, совершенно по-свински пнул несколько раз кресло, попытался было сдернуть с носа очки, но тут же зашипел от боли, тряся ушибленной о дверь рукой.

– Стивен, да что с тобой происходит? – с любопытством разглядывая употребляющего отнюдь не парламентские выражения МакКормика, Морено подошел к холодильнику, достал из морозильной камеры лед, ссыпал его в пакет и вернулся к пострадавшему. – Ну-ка, дружище, давай сюда свою лапу.

– Зачем?

– Совсем ты плох, вижу. Кто из нас имеет непосредственное отношение к медицине – я или ты? Это – лед, а вон то распухшее нечто – твоя рука, какие еще могут быть варианты?

– Ладно, не умничай, и без тебя тошно, – проворчал МакКормик, помещая пульсирующую болью кисть в ледяное крошево. – Уф, хорошо-то как!

– Я не Настенька, но все равно хорошо, – по-русски откликнулся Морено.

– Что ты сказал?

– Неважно. Это из старого русского анекдота.

– Вот очень кстати ты вспомнил о русских. – Стивен раздраженно посмотрел на своего визави, удобно усевшегося прямо на стол. – Это происшествие с Алекс совершенно выбило меня из колеи. Две недели прошло после ее побега, а у меня до сих пор все из рук валится, не могу сосредоточиться на работе. Представляешь, до чего дошло: на днях я неправильно рассчитал алгоритм действий с Аль-Хасифи и вместо искомого хладнокровного биоробота получил пылающий любовным вожделением вулкан!

– Ишь, какой слог у тебя вдруг появился, – рассмеялся Морено, покачивая ногой. – Полагаю, объект вожделения – ты сам собственной персоной?

– К сожалению, – Стивен никак не отреагировал на сарказм коллеги. – И что теперь с этим делать – ума не приложу. Аль-Хасифи – объект ценный, ты его полгода выслеживал, пока смог достать, а тут такая заморочка! Черт! Хорошо хоть эту бабу крысы съели! Иначе огребли бы мы с тобой неприятностей по самое не хочу за рассекречивание объекта. И ведь как удачно с ней работа пошла, таких неожиданных результатов не выдавала ни одна из мужских особей. Видимо, женский организм реагирует на мой препарат совершенно иначе. Эх, мне бы поработать с Алекс еще недельку! – Взгляд МакКормика мечтательно затуманился. – Но, увы...

– Жалко женщину все же стало? – Винсент насмешливо прищурился. – Такая страшная смерть!

– Да при чем тут жалость! И при чем тут женщина?! – МакКормик вытащил заледеневшую руку из льда и озабоченно ее осмотрел. – Ты бы видел Алекс, когда она орудовала в этом кабинете перед побегом! Монстр, а не женщина.

– И кто виноват? Я же просил тебя оставить ее в покое? Просил. Куда ты меня послал? Далеко. И ведь какая славная, нежная была Алекс поначалу! – Морено перестал ухмыляться, достал из нагрудного кармана пиджака сложенную газету, расправил ее и протянул Стивену: – А насчет страшной смерти мы поторопились. Уцелела твоя Алекс, выбралась из катакомб, и теперь она – звезда новостей!

– Не может быть! – МакКормик трясущимися руками схватил газету и попытался ее прочесть. Но тремор конечностей передался и печатному изданию, что затруднило чтение. Однако рассмотреть улыбающееся лицо своей подопечной Стивен смог. – Вот гадука, а? Она же обещала ничего не рассказывать об этом месте!

– Она и не рассказала.

– Так с какого перепугу она попала на первые полосы газет? Это ведь не местная газетенка, это солидное европейское издание. Чем еще могла привлечь к себе внимание эта русская?!

– А тем, что она оказалась наследницей одного из богатейших людей Германии, Зигфрида фон Клотца.

– Seriously?

– Серьезней некуда. Вот уж не думал, когда ее спасал, что выловил из речки настоящую золотую рыбку! – Морено выхватил из рук коллеги газетные листы и, внимательно рассматривая фото, задумчиво произнес: – Жаль, что ты не успел с ней закончить. Той, милой и славной, уже нет, а абсолютно послушной марионетки нет и не будет. Марионетки-миллионерши.

– А что мне мешает завершить начатое?

Часть I

Глава 1

Артиллеристы!
Сталин дал приказ!
Артиллеристы!
Зовет Отчизна нас!

М-да. Если бы многотысячная армия поклонников мегазвезды российского шоу-бизнеса Алексея Майорова могла сейчас слышать, а главное, – видеть своего кумира, она, скорее всего, сочла бы происходящее провокацией спецслужб. Только применение психотропного оружия способно вызвать столь массовую кошмарную галлюцинацию.

Алексей Майоров, яркий и стильный небожитель, согласно своему статусу, просто обязан был питаться исключительно устрицами, виноградными улитками и прочей склизкой гадостью и запивать (проталкивать) сие великолепие коллекционным вином! А тут...

Бред, наваждение: Майоров, отстукивая ритм воблой по столу (между прочим, щедро заставленному пивными бутылками), дурным мявом орет на пару с приятелем бравый марш времен Великой Отечественной войны. Вобла, которой выпало счастье послужить ударным инструментом, судя по ее выпученным глазам, пребывает в трансе.

Мы грянем дружное
Ура! Ура! Ура!

Проорав заключительные строки, Майоров просветленным взором посмотрел на второго участника вокального непотребства:

– Душевно получилось, правда?

– А то! – Виктор, администратор звезды, попытался горделиво выпрямиться на уютном кухонном диванчике. Не получилось. Стек обратно.

– Может, в программу концерта этот номер включить? – счастливое озарение вяло плеснуло своим плавником в глазах Алексея.

– А то! – Похоже, эта емкая и короткая фраза – единственная, которую был в состоянии прожевать Виктор. Остальные невразумительными обрывками слиплись в ком во рту и выползть на свет божий не спешили.

– Представляешь... Эй, ты что делаешь?

– Прелестный сюжет для семейного архива, – ответила я, продолжая снимать на видео. – И это в лучшем случае.

– А в худшем? – Муженек, сосредоточенно сопя, ловил меня за руку. Но координация движений, будучи особой женского пола, из солидарности со мной покинула его.

– А в худшем, Лешенька, мне придется предложить этот материал желтушной прессе. Нам ведь с дочей надо на что-то жить, твоими пустыми бутылками не прокормишься.

– А зачем жрать бутылки?

– А то!

Чистые, незамутненные проблесками разума взгляды. Радостные улыбки ласковых креатинов. Временный паралич конечностей (мозг-то в отключке). И что мне с ними теперь делать?

А начиналось все светло и празднично. У Лешки образовался двухнедельный перерыв между гастролями, и мы наконец смогли остаться вдвоем и до конца осознать грядущие глобальные перемены в нашей жизни. Да и прийти в себя после недавних приключений. Каких приключений?

Разнообразнейших. Правда, о них никто из участников событий судьбу не просил. Но тихая, спокойная жизнь провинциальной журналистки Анны Лощининой (это я) закончилась, стоило мне обнаружить в дальних zákромах своего мозга способность писать стихи. А заодно и тексты песен, что свело меня с мегазвездой российского шоу-бизнеса Алексеем Майоровым. Так случилось, что наш творческий тандем превратился в семейный, ближе и роднее Лешки для меня теперь нет никого. Я не могу дышать без него, не получается. А судьба, словно компенсируя столь щедрый подарок, с самого начала наших отношений постоянно их испытывает на прочность, пытаюсь разлучить нас любой ценой. И цену ведь назначает по максимальному тарифу! Где только я не оказывалась по прихоти этой фантазерки: в подмосковной психушке и под ударом цунами, в лагере бедуинов и в подземелье с крысами.¹ Стоило нам с Лешкой расслабиться, наслаждаясь спокойной жизнью, как она тут же заканчивалась, и начиналась развлекуха в стиле голливудских блокбастеров.

Взять хотя бы последний зигзаг судьбы. Казалось бы, что плохого может случиться в тихой, уважаемой и цивилизованной Чехии, куда меня пригласила моя подруга Саша Голубовская?

Но прийти в себя в круговороте событий, завихрившихся в тихом и сонном чешском городишке Клатовы, оказалось делом довольно сложным.

Сольное выступление Саши Голубовской в мэрии Клатовы завершилось суетой карет «Скорой помощи» у ее входа. Главного героя событий, Фридриха фон Клотца, увезли в травматологию, туда же отправили его приятеля, Андриюшеньку Голубовского, Сашиного мужа. Ну не удержалась супруга, что поделаешь!

Да и трудно удержаться, узнав, что твой муж оказался такой исключительной тварью.

Сашина семейная жизнь давно уже стала напоминать сброшенную змеиную кожу – сухую, изорванную, с едва различимыми узорами былой красоты. История, увы, банальна: Андрей, Сашин муж, оперившись и встав на крыло (при немалой поддержке жены, между прочим), посчитал, что огненные семья ему будет в тягость, требует слишком больших денежных трат. Еще бы, баба на шее, да к тому же и двое детей: семнадцатилетняя дочь и четырнадцатилетний сын.

Андрей устроил супруге жизнь веселую и увлекательную, причем до такой степени увлекательную, что даже терпеливая Саша, хрупкая нежная женщина, не выдержала и решилась-таки на развод. Как обычно, судья дал три месяца на примирение. Два месяца все шло по старому: Саша с дочерью Викой жила у матери, а Андрей с любовницей Галей – в их семейной роскошной квартире. Сын Слава предпочел остаться с богатым отцом.

Но внезапно все изменилось. Галя исчезла, а Андрей, используя детей, предпринял максимум усилий, чтобы вернуть жену. Последним аргументом стало предложение провести весенние каникулы в настоящем замке, расположенном в горах близ чешского города Клатовы. Владельцем замка был Фридрих фон Клотц, якобы партнер Андрея по бизнесу. Саша не хотела ехать, мужа простить она не могла, но дети ее упростили. А дети для Саши всегда были на первом месте. И она согласилась, но с одним условием – с ней поедет подруга. Подругой, как вы понимаете, оказалась я.

Лешка очень не хотел меня отпускать, поскольку женщина я весьма притягательная. Вот только дело тут вовсе не в банальной ревности, поскольку притягиваю я не мужиков, а неприятности. Неприятности – это еще мягко сказано.

¹ См. книги Анны Ольховской «Право бурной ночи», «Охота светской львицы», «Бог с синими глазами», «Первый ряд».

Но нам (вернее, Саше) удалось все же уговорить моего мужа. Ну и правда, что может случиться в центре цивилизованной до зевоты Европы, в тихом городишке на юго-западе Чехии, да еще и в замке, полном слуг?

А много чего, знаете ли.

Потому что моя подруга, Александра Голубовская, оказалась наследницей одного из богатейших людей Германии, Зигфрида фон Клотца. Вернее, наследницей была ее мама, внебрачная дочь этого самого Зигфрида, о существовании которой никто из фон Клотцев и не подозревал, пока Зигфрид не умер и не было вскрыто его завещание. Единственный его племянник, Фридрих фон Клотц, вовсе не собирался уступать гигантское состояние дядюшки какой-то непонятной русской и бросился на поиски конкурентки самостоятельно. Он нашел ее гораздо раньше поверенных своего дяди и, оценив ситуацию, понял, что следует предпринять.

Для начала он вышел на связь с Андреем, мгновенно распознав в нем своего. Гиена гиену всегда учует по запаху падали. Пообещав Голубовскому солидный куш, Фридрих изложил ему свой план: фон Клотц женится на дочери Андрея, Вике, и станет, таким образом, членом семьи наследницы. А дальше – все просто. Дочь его дядюшки, мама Саши, женщина уже пожилая, болезненная, умереть может в любой момент, никто и не удивится. С Сашей произойдет несчастный случай, такое тоже бывает. Причем если все это будет иметь место до вступления в права наследования, никто особенно и копать не станет. С Викой Фридрих больших трудностей не видел, он был достаточно молод и привлекателен, чтобы обаять и влюбить в себя юную неопытную девчонку. Последний из прямых потомков дядюшки фон Клотца, Слава, был пока несовершеннолетним, и его в расчет брать не стоило. Конечно, Фридрих твердо пообещал Андрею, что Слава со временем получит свою долю наследства, но... Обещанного иногда три года ждут, а жизнь часто заканчивается раньше.

Понятно, что Андрей, узнав о грядущем наследстве, поначалу вообще не понимал, зачем ему Фридрих, ведь он и так пока еще муж Саши. Фон Клотц объяснил товарищу доступным языком, что «пока» заканчивается через месяц, и, став наследницей, Саша уж тем более ни секунды не потерпит рядом с собой мужчину, причинившего ей столько боли и унижений. Пришлось Андрею довольствоваться обещанным.

И вот мы в Чехии. Буквально через неделю Саша упала в пропасть в потерявшем управление автомобиле. Андрей стал пресовать дочь, стремясь побыстрее выдать ее замуж за Фридриха. Потрясенная смертью матери девушка слышать об этом ничего не хочет. Славка, всю жизнь цапавшийся с сестрой, неожиданно встал на ее защиту. Он помешал гиенам, и его вскоре убрали из замка, соврав Вике, что Слава пытался бежать, ранил охранника и теперь сидит в тюрьме. Фридрих пообещал освободить парня в обмен на согласие Вики выйти за него замуж. Я попыталась помешать моральным уродам и очень быстро оказалась в кишачих крысами катакомбах. От мучительной гибели меня спасла... Саша! Только это уже не та хрупкая и нежная, похожая на бабочку женщина. Это стальная бабочка. Оказалось, что Саша чудом избежала смерти, ее спас Винсент Морено, сотрудник тайной лаборатории ЦРУ, расположенной где-то неподалеку от замка, в горах. Сашу использовали в качестве подопытного материала, стремясь превратить ее в послушного робота. И у них это почти получилось: моя подруга стала физически сильной, тренированной супервумен, только абсолютно холодной и безэмоциональной. Не знаю, чем бы все закончилось, доведи деятели из ЦРУ свой эксперимент до конца. Но Саша смогла убежать раньше, ушла катакомбами, где и встретила меня. А потом мы нашли ее умирающего сына, запертого в одном из склепов. Увиденное так потрясло Сашу, что, пережив мучительную моральную ломку, она стала прежней: нежной и доброй. Но физические навыки никуда не исчезли, что Саша с успехом доказала, устроив разгром в мэрии, куда мы пришли на свадьбу Вики. Разумеется, там нас не ждали. Тем приятнее была встреча...

Конечно, нам в немалой степени помогло присутствие моего мужа и его старого знакомого, генерала ФСБ Сергея Львовича Левандовского с группой поддержки.

Прошло два месяца, сейчас уже июнь. Сашина мама теперь – богатейшая дама Германии, сама Саша живет пока в Минске, поскольку Вика сдает выпускные экзамены. Славка усиленно штудирует немецкий, с осени и он, и Вика будут учиться в Германии. Фон Клотц и Голубовский сначала сидели в чешской тюрьме, а потом каждого отправили по месту регистрации: фон Клотца – в Германию, Андриюшу – в Белоруссию. Надеюсь, больше никогда не увижу эту мразь.

А мы с Лешкой готовимся. Как к чему? К самой ответственной миссии: родительской. Наша доча обещала быть к Новому году. Ждем вот. Будущий папаша от радости слегка повредился в уме. До родов еще шесть месяцев, а у нас уже полквартиры (причем весьма немаленькой квартиры!) забито памперсами, игрушками, одежками и прочей умильной, но пока абсолютно бесполезной дребеденью.

Лешке ужасно хочется поделиться своей радостью со всем миром, но, увы, нельзя. Не всем его фанатам понравится то, что их кумир и памперсы могут находиться в одной плоскости бытия. Мы и отношения наши постарались скрыть, для всех – мы всего лишь коллеги по цеху, не более. Я – автор текстов к песням Майорова, вот и все.

Видя, как распирает моего мужа от гордости, я посоветовала ему пригласить в гости Виктора, его администратора и друга. Виктор единственный из окружения Майорова, кто знает о нас правду.

Ну и вот. Сидят теперь «артиллеристы» в астрале и, похоже, выйдут оттуда не скоро. Свинтусы.

Глава 2

Возможно, как любящая супруга я просто обязана была озаботиться удобным ночлегом для пивососущих особей. Но, во-первых, они еще не закончили борьбу с пивом (хотя перевес давно уже был на стороне пива), а во-вторых, я тоже знаток песенного наследия советского времени.

Что и не замедлила продемонстрировать, пафосно сообщив:

Забота наша такая,
Забота наша простая:
Жила бы страна родная,
И нету других забот!

Почему-то мне захотелось взять маленький красный флажок и задудеть в трубу. Все, пора спать.

А вот попытка мужа разобраться в хитросплетениях моих намеков, судя по всему, разрушила его мыслительный процесс окончательно. Лешка украсился своей фирменной улыбкой, предназначенной для плакатов и постеров, а затем радостно проорал:

– С Новым годом!

Да, это сильно. Достойный финал моего сюжета «Празднование будущим отцом своего статуса». Номинация на «Оскар» обеспечена.

Я пакостно хихикнула, выключила видеокамеру и пошла заниматься удобным ночлегом для нас с дочей. А папуля с дружкой пусть сами разбираются.

Хотя они уже и так пребывали в почти разобранным состоянии.

Ничего, завтра утром придет Катерина, наша с Лешкой домоправительница, и вот тогда стахановская сборка ребятам обеспечена.

Подлю, конечно, но заснула я со счастливой улыбкой, предвкушая утренние события.

А вкушать пришлось, еще толком не проснувшись.

– Алексей, вы меня убили! Неужели вы даже ни на минуту не задумались о содеянном! А вы, Виктор! Судя по тому, как ваши быстрые глазки бегут впереди ваших мыслей, вам стыдно!

В полусне мне привиделся легонький кошмарчик: круглые глазки Виктора, испуганно сверкая серыми радужками, убегают от толпы расхристанных мыслей, вооруженных исконным оружием пролетариата – булыжниками.

Пришлось проснуться окончательно.

А тайфун «Катерина» набирал обороты. Я закуталась в пушистый халат с кодовым названием «доброе утро» и поспешила к эпицентру. Надо все же выручать бедолаг, с них, думаю, уже вполне достаточно. Тем более что наша Катерина, женщина бесконечно добрая и заботливая, прекрасная хозяйка и вдохновенная кулинарка, обладает одним ма-а-аленьким недостатком: горластая она очень, сказывается южный темперамент. А учитывая ее рост и телосложение... и довольно специфическую манеру изъясняться...

В общем, когда Катерина в ударе, малознакомые с ней люди почему-то бледнеют и начинают лихорадочно искать туалет. Хорошо хоть «удар» случается нечасто.

Дверь в кухню была распахнута настежь. Вообще-то, пищеблок у нас просторный, это, скорее, кухня-столовая. Но сейчас двадцать два квадратных метра казались мне хрущевской каморкой.

На уютных диванчиках, послуживших, судя по всему, местом ночного отдыха бойцам пивного фронта, замерли два деревянных идола. Причем мастер, выстругавший эти поделки,

явно не заморачивался особым сходством своих творений с человеком. Наметил слегка корявые ручки, прижатые к бокам, головы посадил на плечи, забыв о шее, плечи подтянул к ушам.

Единственное, что удалось мастеру, это глаза. Выпученные, испуганные, ничего не понимающие и очень страдающие. Внезапно взоры идолиц зажглись безумной надеждой. Зажигалкой, видимо, послужила я. Ладно, так уж и быть, вызываю огонь на себя:

– Доброе утро, Катерина! Что это вы так расшумелись?

Воронка смерча, с грохотом втягивающая в себя пустые бутылки, рыбы останки и прочие следы преступления, мгновенно осела, превратившись в легкое завихрение. Катерина обернулась, всплеснула могучими руками и огорченно затрубила:

– Ой, Аннушка, разбудила я вас, да? Вы уж простите меня, но я как вошла, как увидела эту безобразию! А ведь они еще и табак употребляли! В доме беременная женщина, а им лень на террасу выйти!

– Мы хотели, но у нас не получилось, – проскрипел один из чурбанов, судя по карим глазам – Лешка. – А хомяк к тому времени спать уже ушел.

– Опять вы, Алексей, жену звериными кличками именуете! – укоризненно покачала головой Катерина. Слава богу, гроза стихает, удалось сменить тему. – Понимаю, что это для усиления моральной окраски, но пусть бы было там «звездочка», «лапочка», «солнышко». А то прямо жалко Аннушку, когда вы так обзываетесь!

– Да ничего страшного, мне нравится. А вы, Катерина, просто чудо. – Я подошла к домоправительнице и, привстав на цыпочки, чмокнула ее в свекольную щеку. – Не сердитесь на ребят, Леше ведь очень хотелось отпраздновать такое событие, а нельзя было. Вот они и дорвались с Виктором. Мальчики, вам душ принять не пора? – я повернулась к идолам и подмигнула.

И чурбаны мгновенно преобразись. Не скажу, что они стали ловкими и юркими рыбками, скорее больными остеохондрозом пингвинами, но кухню смогли покинуть самостоятельно, слегка опираясь плавниками о стену.

Катерина, убрав следы безобразия, накормила меня вкуснейшим завтраком, к концу которого, привлеченные ароматом крепкого кофе, подползли и виновники торжества. Выглядели они получше, передвигались вертикально, друг за дружку и за стенки не держались.

За что и были накормлены успокоившейся Катериной.

После чего Виктор вызвал такси и, смущенно улыбаясь и без конца извиняясь, отбыл домой.

Очень вовремя, надо сказать.

Судя по монотонному бухтению, доносившемуся из кухни, высказано было нашей домоправительницей еще не все. Такого падения нравов во вверенном ей семействе она не ожидала, поговорить об этом хотелось, вот только собеседников не было. Кроме кошки Сабрины, но она не психотерапевт, она скорее философ.

А мы с Лешкой заперлись в спальне и затаились. Катерина, как я уже упоминала, дама громогласная, но отходчивая. К обеду успокоится.

Глава 3

После столь знаменательного застолья Катерина всерьез обеспокоилась моральным обликом своего обожаемого подопечного. Или его психическим здоровьем?

Дровишек в костер заботы неумоимо подбрасывал сам подопечный. Всю оставшуюся до начала гастрольного тура неделю господин Майоров вел себя из рук вон плохо, празднуя будущее рождение дочки. Катерина снова и снова пыталась его урезонить. Мне оставалось только наблюдать со стороны за этой битвой титанов.

Разумеется, к началу гастролей победа устало курила в блиндаже Катерины. Хотя Лешка и попытался привлечь меня к диверсионным действиям, но эта попытка была обречена на провал изначально. Хватит с меня потрясений.

А вот Катерина мириться с моим нейтралитетом не желала. В ее понимании моя позиция была схожей со страусиной: муж гибнет в болоте вседозволенности, а жена голову в песок засунула.

Воображение, радостно взвизгнув, мгновенно спроецировало картинку: детская песочница в нашем дворе, истерически рыдающие от ужаса малыши, побледневшие мамы на грани обморока, а посреди песочницы, среди разломанных ведерок и покореженных лопаток исполинским грибом торчит моя... мой.... Тыльная часть, в общем. Спровоцированная подлым воображением, я неосторожно хихикнула в самый, естественно, неподходящий момент.

Катерина, чья высокоморальная речь была прервана столь беспардонным образом, возмущенно засопела и больше не произнесла ни слова.

А на следующий день всучила мне огромный мешок правильных и умных мыслей, являющихся скрижалями вековой мудрости. Индиана Джонс, узрев сей раритет, потерял бы остатки рассудка: то была книга по домоводству, изданная в шестидесятых годах двадцатого века в СССР!

– Вот, Аннушка, – дрожь в голосе Катерины заставила меня встать по стойке «смирно» и вытереть моментально вспотевшие ладони о джинсы. – Эту книгу подарила мне на свадьбу мама! И я до сих пор помню, как все было волнительно! Помню, как что-то дрогнуло в моем сердце и слезы полились из моих голубых глаз. Когда жених увидел это, тоже начал плакать. К нам присоединилась свекровь. Потом моя мама и кое-кто из родни! Началась массовая истерика! – Катерина шумно высморкалась, промокнула подтаявшие глаза и вручила мне раритет, любовно упакованный в обложку для учебников. – Я по этой книге только и строила свои отношения с Василием, очень мудрая и полезная она, от сердца отрываю!

– Может, не надо? – робко пискнула я, с опаской разглядывая настольную книгу супругов Ухайдаченко. – Такая памятная вещь для вас.

– Так я же не насовсем отдаю, Аннушка, – домоправительница нежно обняла меня за плечи. Плечи прогнулись и закрипели. – Почитайте сама, Алексею дайте, авось и получится супружество качественно улучшить. Возьмите, потом вернете.

Ценнейшая вещь оказалась, между прочим! Такого удовольствия я давненько не получала. Все какие-то буржуйские мне достаются удовольствия: Лешкины звонки и эсэмэски, спелая клубника, трогательное платье для беременных. А тут! Пиршество разума, торжество морального кодекса строителя коммунизма!

«Вы должны помнить, что к приходу мужа со службы нужно готовиться ежедневно. Подготовьте детей, умойте их, причешите и переоденьте в нарядную одежду. Они должны построятся и приветствовать отца. Для такого случая сами наденьте чистый передник и постарайтесь себя украсить – например, повяжите в волосы бант. В разговоры с мужем не вступайте. Помните, как сильно он устал. Молча накормите его, и лишь после того, как он прочитает газету, вы можете попытаться с ним заговорить».

Да, неправильно я жила до сих пор. Ни передника парадного нет, ни банта подходящего. Ну ничего, это дело поправимое. Правда, детей построить пока не получится, но я заменю строй барабаном.

В общем, вернулся Лешка с гастролей, а тут я: в переднике, с синим капроновым бантом на голове, бью в барабан свернутой газетой и преданно заглядываю мужу в глаза. Но молчу. Он же еще не евши и газетку не читавши!

– М-да. – Лешка поставил в угол чемодан и озадаченно почесал затылок. – Вот что-то мне подсказывает, что без нашей славной Катерины тут не обошлось.

Бью в барабан. Молчу. Марширую на месте. Бант (и не только он) ритмично подпрыгивает.

И ничего эротичного? Ну подумаешь, из одежды на мне только упомянутый передник и бант, ну и что?! Разве это повод отказаться от ужина, а уж тем более от газеты?!!

Мудрая книга Катерины пригодилась в этот вечер еще раз. Лешка иногда проникает за мной следом в ванную, чтобы намылить мне спинку. Но не в этот раз! Когда он соскользнул с кровати и направился было следом за мной, я подсунула ему фолиант с отмеченными строчками:

«После совершения интимного акта с женой вы должны позволить ей пойти в ванную, но следовать за ней не нужно, дайте ей побыть одной. Возможно, она захочет поплакать».

Думаете, он проникся? Ага, счас!

А вот в ванную проник.

К концу июля моя талия стала вести себя самым эгоистичным образом. Она вдруг решила подлю исчезнуть. И поскольку Лешка видел меня не постоянно, а в промежутках между гастролями, изменения моей фигуры каждый раз приводили его в восторг. Подчеркиваю – его, я же ничего веселого в этом не видела. Обожравшийся байбак, а не женщина!

Хотя, если честно, живот пока был мало заметен. Просто... А, ладно, это же временно.

Тем более что нежность и счастье, поселившиеся в глазах моего мужа, мгновенно растворяли в себе любые поползновения со стороны уныния.

Я с сомнением разглядывала гигантское количество пищевых запасов, кучно размещившихся на столе. Пищевые запасы с не меньшим сомнением рассматривали меня. Видимо, решили, что их приготовили как минимум на взвод голодных новобранцев. А тут всего лишь одна тетка невнятного размера. И что теперь? Пропадать, не пригодились?!

Щелчок дверного замка вывел меня из ступора. Ура! Помощь прибыла!

Да еще какая! Впервые после знаменательного празднования к нам рискнул заглянуть Виктор.

Причем в прямом смысле слова – заглянуть. Бедняга жался у входной двери и, вытянув шею, пытался рассмотреть недра наших апартаментов.

– Ладно тебе, проходи, не загромождай прихожую. – Лешка подтолкнул своего администратора. – Иначе использую тебя по назначению.

– В смысле? – нервно дернулся Виктор.

– В качестве подставки для шляп. Хотя, если ты предпочитаешь, чтобы в тебя втыкали зонтики...

– Грубый, жестокий, бездушный человек, – администратор тяжело вздохнул. – Немудрено, что домработницу завел из бывших надзирательниц.

– Ты нашу Катерину не обижай, она очень добрая, просто остановиться вовремя не может, – вступилась я за нашу помощницу. – Но сейчас ее нет, она уже ушла. Отпросилась пораньше, к ней какая-то родственница приехала.

– Первая хорошая новость сегодня! – воодушевился Виктор. – А если мне что покушать дадут, я даже передумаю уходить в монастырь.

– Куда?

– В монастырь!

– В женский?

– Обижа-а-а-ешь, Анечка, – Виктор попытался придать лицу благостное выражение. Но почему-то получилось пакостное. – От такой жизни хочется удалиться, от мирской суеты, от скверны всякой, и проводить время в постах и молитвах...

– Вот и иди, на террасу, молись и постись, авось тебя осенит, как нашу проблему решить, – Лешка заботливо обнял приятеля за плечи и повел в гостиную. – А мы пока перекусим слегка, да?

– Слегка не получится. Катерина сегодня особенно разошлась. Мало ей борща с пампушками, телячьих отбивных, молодой отварной картошечки с укропчиком, селедочки с лучком, греческого салата, так она еще кулебяку зафигачила!

По мере перечисления мною блюд Виктор разворачивался в сторону кухни все стремительнее. Кулебяка была последним аргументом.

Через пару минут мужчины сидели за столом, и на лицах их светилось блаженство.

Самое время вспомнить мудрый совет из книги по домоводству и не лезть к мужчинам с расспросами по поводу их проблем. Да и самой подкрепиться не мешает. Этому еще сэнсэй Винни-Пух учил.

А проблема, на мой взгляд, и выеденного яйца не стоит. Хотя оценка в виде кем-то съеденного яйца меня всегда несколько смущала.

Оказалось, что господин Майоров остался без костюмера. Его бессменная и проверенная многими годами гастролей Лариса в последнее время жаловалась на плохое самочувствие, а сегодня ее срочно госпитализировали с подозрением на инфаркт. Рановато, конечно, ей еще и пятидесяти нет, но... всякое бывает.

Через пять дней Лешке снова ехать на гастроли, нужно срочно искать замену Ларисе, а где? Моя робкая попытка предложить свою кандидатуру была освистана. Работа, видите ли, очень тяжелая, это же бесконечная возня с утюгами, с порошком, с пятновыводителем, а помощь во время скоростного переодевания на концертах, а нервы?

– Нет, нет и еще раз нет! – заявил Майоров.

Ну и ладно, ищите сами.

Глава 4

Но найти костюмера за пару дней до поездки оказалось делом практически неосуществимым. С одной стороны – желающих работать у самого Алексея Майорова выстроится километровая очередь, только свистни. А с другой стороны – человек должен быть проверенным и надежным. Ведь костюмер – один из самых близких помощников звезды, он всегда рядом, видит кулинара публики не только в парадно-выходном облике, но и больным, усталым, нервным, невыспавшимся, полуголым, в конце концов! Трудно представить, чем может обернуться выбор не того человека.

Хотя почему трудно? Гнусной бякой может обернуться.

Виктор совсем измучился, пытаясь найти замену Ларисе. Да и сама она очень переживала, что отнюдь не способствовало улучшению ее состояния (хотя на улучшение, если честно, все же рассчитывали и Лешка, и его администратор).

До начала гастрольного тура оставалось два дня. Кандидаток на лакомую вакансию у Виктора было аж пять. Но ни одна не нравилась Лешке.

– Ну почему, что в них не так? – теребила я мужа.

Мы с ним сидели на террасе, наслаждаясь прохладой летнего вечера. Правда, наслаждалась только я, а вот Майоров усиленно отравлял мне удовольствие, смоля одну сигарету за другой.

– Понимаешь, хомка, – Лешка ожесточенно раздавил очередной окурок в переполненной пепельнице, – все эти дамы... Как бы тебе сказать... Они не просто хотят работать костюмером, они хотят работать именно у МЕНЯ. Их не интересует хорошая зарплата, вернее, интересует, но так, в качестве приятного бонуса.

– А основной приз – ты?

Лешка уныло кивнул и потянулся было за очередной порцией отравы.

– Все, господин Майоров, угомонись, – я успела цапнуть пачку с остатками сигарет раньше него. – Мы, между прочим, вышли свежим воздухом подышать, а ты весь этот воздух засвилячил.

У входа на террасу что-то гулко бухнуло. Террористы? Бомба?

Нет, это Катерина. Кашлянула, чтобы привлечь наше внимание. Привлекла, конечно, только эффект получился ошеломляющим от неожиданности.

– Аннушка, Алексей, я извиняюсь, что помешала...

– Ну что вы, ничуть, – сирым голосом выдавил Лешка. – Вы что-то хотели?

– Э-э-э, ну-у-у... – впервые вижу Катерину такой смущенной. Очаровательнейшее зрелище.

– Да вы проходите, присаживайтесь. – Лешка подошел к стесняющемуся носорогу и подвел его к одному из кресел. – Что случилось?

– Ох, Алексей! – Катерина попыталась было пристроиться на краешек кресла, но габариты ее постамента едва не наделали беды.

Кресло дрогнуло, невероятным напряжением сил удержалось на месте и, крикнув от усердия, втянуло постамент нашей домоправительницы в себя целиком. Плотнo и надежно. После чего в руках Катерины вдруг обнаружился носовой платок, который тут же подвергся страшным испытаниям: его начали мять, комкать и скручивать в спираль.

– Фу-у-уф, – шумно выдохнула госпожа Ухайдаченко и, наконец, начала: – Вы меня, конечно, извините, и только не подумайте, что я специально подслушивала, просто вы все время об этом говорите, ну вот я и...

– Да о чем вы? – Лешка явно начал заводиться. Уже порыкивал на повышенных тонах.

Обычно Катерина не обращала внимания на интонации своего подопечного, многолетняя служба позволила ей достаточно хорошо узнать кумира публики и полюбить его, как сына. Но сегодня она вела себя более чем странно. Запнулась, покраснела, задушила платок и подхватила с места, намереваясь, видимо, выбросить труп платка в мусорное ведро.

– Ну куда же вы? – я успела схватить ее за руку. – Успокойтесь, сядьте, пожалуйста! Не обращайтесь на Алексея внимания, у него проблема, вот он и дергается.

– Так я же именно из-за этой проблемы и пришла! – креслу опять пришлось нелегко. – Я знаю, что у вас, Алексей, заболела костюмерша, и вы не можете ей замену найти. Я верно излагаю?

– Верно, – кивнул Лешка, приподняв бровь. – И что, у вас по этому поводу есть что сказать?

– Вот именно! – Катерина облегченно вздохнула и заторопилась: – Понимаете, Алексей, я бы никогда в жизни не обратилась к вам с такой просьбой, но если все сложилось так, что я, что мы...

– Стоп! – Лешка поднял руку, прерывая поток невразумительной речи. – Давайте-ка с самого начала, по порядку, не торопясь. Времени у нас достаточно, мы лично никуда не спешим. А вы?

– Что – я? – торможение речи сказалось, видимо, и на ее мыслительных способностях.

– Вы куда-то спешите?

– Н-нет.

– Тогда устраивайтесь поудобнее и рассказывайте, что там у вас.

– Значит, так. У меня есть младший брат. Вернее, был. Он недавно умер. Я никогда вам о нем не рассказывала, потому что стеснялась. Непутевый у нас Дмитро получился, с малолетства непутевый. С плохой компанией связался, уже в семнадцать лет в колонию попал. А потом – пошло-поехало! – Катерина удрученно махнула рукой. Вероятно, от волнения речь ее стала почти правильной. – Уж как мать с отцом его не уговаривали, чего только не делали! Женили его даже, дивчину из ближайшего села хорошую взяли. Она у нас в городе на хлебо-завод устроилась, дочку родила замечательную, а Дмитро... Не нужны ему были ни семья, ни жизнь нормальная, дольше трех месяцев он на воле не задерживался. От такой жизни Оксанка, невестка моя, чахнуть начала. А тут пару месяцев назад пришло сообщение с зоны, где Дмитро очередной срок отбывал, что убили его там. Что, как, почему – не знаем. Ох! – Катерина реанимировала платок и вытерла слезы.

– Бедная вы моя! – я погладила ее по плечу. – Сочувствую.

– Да что там! Я, если честно, не особо-то удивилась. Чего-то подобного мы и ожидали, уж больно Дмитро злой был, неуживчивый. А Оксанка-то, видать, несмотря ни на что любила его. Потому что, как узнала про смерть мужа, так слегла и не поднялась больше. И представляете, я-то обо всем узнала совсем недавно, когда Иришка ко мне приехала!

– Как это?

– Какая Иришка?

Мы с Алешей будто соревновались в викторине «Чей вопрос глупее?».

– Иришка – племянница моя, дочь братова. А как так получилось? – Катерина пожалала плечами. – Да как у всех. Пока живы были родители, мы чаще с семьей брата общались, а ушли отец с матерью – связь-то и прервалась. Так, открытки к праздникам слали. Оксана гордая была, не хотела свои проблемы ни на кого вешать. Ну вот... – тяжелый вздох. – А неделю назад – звонок в дверь. Открываю – девушка незнакомая стоит. «Вы к кому?» – спрашиваю. «Тетя Катя, вы меня не узнаете? Я – Ира». Господи! Где ж тут узнаешь! Я ж ее последний раз девчонкой видела, ей лет десять было. Помню – светленькая, с косичками, сероглазая. А теперь ей уже двадцать семь! Ну вот. Своих-то детей нам с Васей бог не дал, так на старости лет племянницу послал.

– Прямо уж, старость! – не удержалась я. – Не преувеличивайте.

– Да уж и не молодость, Аннушка. Шестьдесят лет – не сорок. В общем, обрадовались мы Иришке очень, жалко, конечно, что так все получилось, ну да ничего. А зачем я решила вам это рассказать? А вот зачем. Иришка моя могла бы попробовать поработать у вас, Алексей, костюмером. Она, оказывается, у себя в городе в театре была на похожей должности.

– Серьезно? – оживился Лешка.

– Надо же, совпадение какое, – это уже я.

– Вот и я о том же! – не совсем правильно растолковала мою реплику Катерина. – Я вчера за ужином упомянула, что вы, Алексей, ищите костюмера. Иришка мне и рассказала. Это ж как удачно совпало! Мы пока даже не начинали работу ей искать, дите только приехало, пусть отдохнет. А тут – такая возможность! И мне за девочку не страшно, я вам, Алексей, полностью доверяю.

– Спасибо, – фыркнул Лешка.

– Да, доверяю. К кому другому бы из вашей этой звездной шарашки на пушечный выстрел девочку не подпустила, а вот вы – это вы. И вам лучшей помощницы не найти. Иришка – девушка скромная, порядочная, трудолюбивая...

– Так вы же ее не знаете совсем, сами говорили – столько лет не видели, – встряла я.

– Ой, Аннушка, ну и что, что не видела! Я ж Оксану, мать ее, хорошо знала. Да и разбираюсь я в людях, не первый год на свете живу! Мы с Васей не нарадуемся на девочку нашу. А как она парня своего любит!

– Какого еще парня?

– Ну какой может быть парень у девушки? Любимый, конечно! – Логично. Несокрушимо. – Он, правда, пока там, в Днепропетровске, остался, работа у него неплохая, но тоже хочет в Москву перебраться. Его Андреем зовут, он Иришке каждый день названивает, шепчутся они.

– Шепчутся?

– А что же, Аннушка, им на весь дом о любви орать? Шепчутся, воркуют, милуются. Вижу, любит она его, да и он ее тоже. В общем, очень хорошая девочка, возьмите ее на работу – не пожалеете.

– Ну-у-у, – Лешка побарабанил пальцами по подлокотнику кресла, – даже не знаю...

– А вы попробуйте, хотя бы на ближайшую поездку. Не получится – что ж, а вдруг у Иришки все сладится? – Я напряглась. Это что значит – сладится?! С кем?! – Ну чем вы рискуете? А я за свою племянницу головой ручаюсь.

– Зачем мне ваша голова, Катерина, – рассмеялся Лешка. – Мне ваши руки золотые нужны, ваша забота. А что касается племянницы, что ж, приводите ее завтра, познакомимся, поговорим. Я Виктора приглашу, за персонал он у меня отвечает, вот пусть и решает. Договорились?

– Ой, вот спасибочки, Алексей! – Катерина вскочила, кресло не успело сразу освободить ее седалище и устремилось следом.

Но ненадолго. Грохот упавшего предмета мебелировки послужил своеобразным салютом, завершившим эпохальный договор.

Глава 5

Я – злыдня. Я – подозрительная мрачная баба, на фоне гормонального сбоя вставшая в маразм. Беременность, вероятно, усилила мою врожденную паранойю.

Ну не нравится мне эта Иришка, не нравит-ся! Причем объяснить – почему? – не могу. Антипатия была мгновенная, с первого взгляда. Шерсть – дыбом, спина – горбом, когти – клинками, уши прижаты. Не говорю, а шиплю.

К двенадцати Виктор уже был у нас, ждал. Они с Лешкой оживленно переговаривались, обсуждая новую кандидатуру. Я в их беседу не вмешивалась, мне в тот момент это было безразлично. Главное, чтобы проблему наконец решили.

Ровно в двенадцать задилинькал звонок. Вообще-то у Катерины есть свои ключи, но, поскольку она пришла не одна, решила, видимо, соблюсти приличия.

Сомнительная честь быть привратником досталась мне. Я с утра вредничала, поэтому надевать маску приветливой хозяйки не стала. Сойдет и так.

– Здравствуйте, Аннушка! – на пороге стояла сияющая Катерина. Больше никого не наблюдалось, да порог больше бы и не вынес. Он и так прогибался и стонал.

– Здравсьте, – я удивленно кивнула. – А вы что, одна? Ваша племянница передумала?

– Добрый день, – прошелестело в эфире.

Это как это? Откуда?

Оттуда. Из-за спины Катерины. Искомая племянница обнаружилась лишь после перемещения тетушки в пространстве.

– Вот, знакомьтесь, это моя Ирочка, – суежилась домоправительница. – А это – Алексей, это его жена Аннушка, это...

– Виктор, – галантно кивнуло очередное «это». – Администратор и ваш, возможно, непосредственный начальник.

– Очень приятно! – жеманно захихикала Ирина. – Я так рада, так рада! О таком начальстве можно только мечтать! Ой, – она зажала рот ладонью. – Может, я что не то говорю? Мне тетя Катя строго-настрого запретила относиться к вам, Алексей, как к звезде. Вы – обычный человек, правильно? – и она наивно захлопала глазами.

Майоров скептически поморщился. Изобразить перед ним сладкую дурочку – дохлый номер.

Но Ирина неожиданно звонко рассмеялась:

– Устали от таких, да, Алексей Викторович? Представляю себе! Я в нашем театре насмотрелась на подобных дамочек, хотя уровень местечковых артистов совершенно другой. Но поклонницы и в нашем пруду водятся. У меня получилось?

– Что именно? – усмехнулся Лешка.

– Изобразить такой персонаж?

– Почти. Главное – вовремя остановиться.

– Это да, – Ирина кивнула и повернулась ко мне. – Анна, вам, наверное, нелегко приходится? Вы не волнуйтесь, меня тетя предупредила. Я никому не скажу, что Майоров женат, даже Дрону.

– Дрон – это ваш... – я замялась, подбирая слово.

Говорить, с трудом удерживаясь от шипения, было довольно тяжело. Чрезмерные усилия отпечатались, вероятно, на моей физиономии. Ирина удивленно подняла брови и растерянно сказала:

– Дрон – это мой жених. Вообще-то он Андрей, но я зову его по-своему. У меня от него никаких секретов нет, но это ведь не мой секрет. Не волнуйтесь вы так!

– Да я и не волнуюсь, – процедила я, слушая натужный скрип лицевых мышц, насильно растянутых в улыбку. – Я просто не очень хорошо себя чувствую.

– Ой, а я сразу и не заметила! – Ирина смущенно улыбнулась. – Поздравляю вас!

– Спасибо, – скрип усилился. – Ну что же вы в холле застряли, ребята? Не пора ли куда-нибудь перебазироваться? Катерина, хозяйничай, а я пойду, прилягу.

– Родная, может, тебе врач нужен? – Лешка всерьез встревожился. – Виктор, ты сам пока поговори с Ириной, а я потом...

– Леша, перестань, – я, не удержавшись, потерлась щекой о теплое плечо мужа. – Ничего страшного, слегка кружится голова. Ты иди.

– Точно? – тревога в карих глазах все еще не исчезла.

– Иди-иди, – мне удалось даже непринужденно рассмеяться.

– Как же здорово! – Ирина смотрела на нас и искренне улыбалась. – Вот бы и у нас с Дроном так всегда было!

– Пойдемте в гостиную, – Виктор приступил, наконец, к выполнению своих служебных обязанностей.

– Да-да, идите, – засуетилась Катерина, – я сейчас вам туда кофе принесу.

Лешка проводил меня в спальню, уложил на кровать, слегка задержался, укладывая, а потом пошел в гостиную.

Вот я и лежу теперь, и злюсь на весь мир, но в первую очередь – на себя.

И почему меня просто перекашивает от одного вида Катериной племянницы? Нормальная же девчонка, умненькая, искренняя, приветливая. Внешность самая обычная, вовсе не супермодель: среднего роста, узкоплечая, но слегка полноватая в бедрах, отчего фигура напоминает грушу. Невнятного оттенка русые волосы собраны в хвост, кожа на лице не очень чистая, короткие негустые брови, серые глаза, слегка курносый нос, мягкие улыбчивые губы – не красавица, но и не дурнушка, простая милая девушка. Ногти на руках аккуратно подстрижены, никаких кроваво-алых клинков. Держится непринужденно, при виде Майорова в обморок не падает, Дрона своего явно любит.

Что вас, мадам Лощинина, не устраивает?!!

Не знаю. Дура, наверное, мадам Лощинина, причем вполне законченный, полноценный такой вариант. Выставочный образец, можно сказать.

Ирина была принята на работу. Но Лешка сразу предупредил и Катерину, и ее племянницу, что костюмер нужен ему временно, пока не поправится Лариса.

Не знаю, как другие обитатели серпентария, гордо именуемого «российский шоу-бизнес», относятся к пашущим на них людям. Разное слышала. Но Лешка тех, кто проработал рядом с ним много лет, очень ценит. Если у кого-то возникают проблемы, Майоров готов всегда помочь. И помогает. В его райдере четко оговорены комфортные условия для всей команды.

Вот и сейчас. Ларису в больнице постоянно навещает Виктор, забывая ее тумбочку вкусностями. Сам Лешка там не появлялся во избежание нездорового ажиотажа вокруг Ларисы, но звонил ей довольно часто. Надо ли говорить, что лежала костюмер Майорова в одной из лучших клиник.

Но прошел один гастрольный тур, через неделю начинался следующий, а Лариса никак не могла окончательно оправиться после болезни. Ее уже выписали, но она чувствовала себя неважнецки. Лешка отправил своего постоянного костюмера в санаторий и поехал в очередной тур с ВРИО.

Ирина справлялась с обязанностями легко и непринужденно, проблем не возникало никаких. У нее сложились ровные, приятельские отношения со всей командой, да и с самим Майоровым. Лешка постоянно передавал мне от нее приветы, когда звонил домой. Я приветы принимала, мрачно отправляла их в мусор и тут же выбрасывала на помойку.

В причинах своей паранойи разобраться я уже и не пыталась. В конце-то концов, не я же работаю с этой Ириной! А Лешку она устраивает.

Одно могу сказать точно по поводу своего отношения к новой костюмерше – это не ревность. И дело даже не в ее серой внешности. Да будь она хоть «Мисс Сентябрь», «чудище с зелеными глазами» продолжало бы петь заунывные бурятские песни в кладовке, аккомпанируя себе на комузе. Почему? Но ведь это мой Лешка! Он – МОЯ половинка. А я – его. И все этим сказано.

Телефон замурлыкал голосом Майорова.

– Ну вот, опять ты помешал мне по астралу ходить, углубленным самокопанием заниматься! – мрачно сообщила я трубке.

– Ты, пузик на лапках, не переусердствуй, – озаботился муж. – А то черт знает до чего докопаешься. В глубинах твоего больного разума...

– А ты любишь ежиков?

– Кхм! – подавился от неожиданности Лешка. Откашлялся и сипло выдавил: – Ты черствая, бездушная особа. Человек настроился на философски-элегическую волну, а ты его сбиваешь кретинскими вопросами! Нет в тебе никакой чуткости.

– Дык ить и не было, барин!

– Это да. Но ведь хочется верить в лучшее, хочется пожаловаться родному человечку на свои болячки.

– Ой, Лешик! – я испугалась. – Ты что... ты плохо себя чувствуешь?

– Ну вот, запаниковала, я так и знал, – муж старался говорить бодрым голосом, но я на это не реагировала:

– Лешка, приезжай! Бросай все и приезжай! Иначе я к тебе заявлюсь! И плевать мне на эти дурацкие тайны! Я же чувствую – тебе плохо!

– Тихо, тихо, ты что? – Лешка всерьез испугался. – Успокойся, слышишь? Тебе же нельзя нервничать!

– Вот и не заставляй меня! Возвращайся!

– Да что ж такое, в самом-то деле! У меня все в порядке, просто устал немного. Знал бы – совсем ничего не говорил.

– Врешь ты все, – я шмыгнула носом и обнаружила, что реву. Этого еще не хватало. – Я знаю, тебе плохо, очень плохо.

– С чего ты взяла?

– Не с чего, а с кого. С тебя.

– Хомка, родная моя, ты лучше успокойся, отдохни, я уже скоро приеду. Всего два дня – и я дома. Как там наша Катерина, не обижает тебя?

– Обижает. Закармливает.

– Смирись. Я приеду и вызову основной удар на себя, а пока держись. И не забывай ерундой голову, договорились?

Ерунда. И вовсе это была не ерунда, как оказалось. Лешка-то молчал как партизан после литра спирта, мне Катерина его сдала. А ей племянница рассказала.

На одном из выступлений Лешка к концу вел себя довольно странно: он отказался от смены костюма, практически не выходил на «бис», не раздавал автографы на сцене после концерта. Он скомкал концовку и быстро ушел в гримерку. Виктор почувствовал неладное, решил проведать шефа. И обнаружил Майорова лежащим без сознания на полу.

Вызвали «Скорую», Лешку наспиховали уколами, ему полегчало. Оказалось, у него резко упало давление. Врач вообще настаивал на госпитализации, но Лешка, естественно, отказался. Правда, пообещал, что после возвращения в Москву пройдет полное обследование.

Если он думал отделаться пустыми обещаниями, то ошибся. Я эти обещания наполню содержанием.

Глава 6

По большому счету, месть Майоров к собственному здоровью относился в строгом соответствии с известной поговоркой: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится». Никаких ежегодных профилактических обследований, обходился малым: поплохело – вызвал врача.

Поэтому солидной медицинской карты, похожей на средневековый рукописный фолиант, накопить не сумел. Подобное отношение к собственному здоровью вызвало сильнейший приступ изжоги у светила российского здравоохранения, к которому доступ простых смертных давно уже был прекращен. Причем это делалось якобы в интересах этих самых простых смертных, ведь он же – светило, миряне и ослепнуть могут. Рядом с этим гением медицины находиться могли только луноликие и солнцеподобные. Такая мелочь, как мешок с деньгами, оставленный у казначея, даже не обсуждается. Без мешка и на порог одного из самых передовых медицинских центров не пустят.

Зато здесь гарантировали абсолютную закрытость и стопроцентную секретность. Это оговаривалось специальным пунктом в контракте, и за утечку информации грозили разорительные штрафные санкции.

Но даже несмотря на это с собой Лешка меня не взял. Разумеется, в качестве аргумента была предъявлена все та же тайна. Но сквозь неумело пришитую заплатку аргумента просматривался голенький такой, розовенький фактик: муж опасался, что, если у него найдут какую-нибудь серьезную болячку, ее трудно будет от меня скрыть. А вот если я останусь дома, то все будет в шоколаде – я скушаю любую версию.

Ну а я что говорила! Совсем мужчинка умственно ослабел на радостях, выпал из реальности.

Но без сопровождения Лешке к врачу попасть не удалось. К нему скотчем был прилеплен хвост – Виктор. Правда, Майоров попытался было купировать аномально выросший копчик, поручив администратору добыть из архива районной детской поликлиники запыленную медицинскую карту юного Леша. Ведь когда-то мальчик Леша наблюдался в советской детской поликлинике, тогда с этим было строго. И все ценнейшие сведения о мальчике должны были храниться в архиве.

Непонятно только, зачем эти сведения светилу? Без них диагноз не вытанцовывается? Но раз врачу понадобился сей раритет, значит, его нужно добыть.

Надежда Лешки избавиться от надзора провалилась, уныло булькнув. Виктор перепоручил поиск медкарты шефа Ирине.

Катеринина племянница все прочнее закреплялась в команде Майорова. Она выполняла уже не только функции костюмера, нет. Теперь Ирина выросла до помощника администратора, сумев стать незаменимой частью слаженного механизма команды. И Виктор, и Лешка очень быстро привыкли к тому, что Ирина выполнит любое их поручение, причем сделает все безукоризненно.

Так справилась она и с очередной задачей, уже на следующий день выложив на стол перед Виктором медицинскую карту юного Леша Майорова.

А не очень юный Леша, проведя целых три, ТРИ, дня в беголке по различным кабинетам, просвеченный и обследованный с головы до ног, на четвертый день лег на диван и устроил лежачую забастовку.

– Все, – мрачно заявил господин Майоров, скрестив руки на груди, – я больше никуда не пойду.

– А что, уже закончили тебя обследовать? – я с любопытством рассматривала воплощение вселенской скорби, разлегшееся на диване. – Так быстро?

– Закончат они! – глухо простонал муж. – Пока у пациента есть деньги, процесс не остановится.

– Да ладно тебе! – сказал Виктор, прислонившись плечом к дверному косяку и прихлебывая кофе из большой кружки. Косяк, выполненный из благородного дуба, ненавидел свое плебейское название. Но еще больше он ненавидел, когда на него наваливались. Угол косяка морщился и явно собирался плюнуть Виктору в чашку. Тот, не замечая угрозы, вещал: – У нас сегодня прием у двух замечательных специалистов.

– Не пойду.

– Надо, Леша, надо.

– А что за специалисты? – заинтересовалась я. – Что-то важное?

– О-о-очень! – оживился Виктор, почему-то гнусно хохотнув при этом.

– Иди ты в...! – рявкнул Лешка, свирепо глядя на своего администратора.

– Никак не могу, ваше сиятельство! – отсалютовал тот кружкой. – Этим должен специалист заниматься. Сегодня.

– Так, – Лешка зашарил рукой по ковру, – я вижу, кое-кто окончательно распоясался!

– Отродясь пояс не носил, барин! – Виктор на всякий случай спрятался за изготовившийся к плевку косяк. – Анечка, остановите его! Он же глумиться над подчиненным собирается!

– Вот еще! – фыркнула я, устраиваясь в кресле поудобнее. – В моей жизни сейчас так мало развлечений, неужели я лишу себя столь дивного зрелища! Милый, если ты ищешь бейсбольную битку, то она не под диваном, а в шкафу.

– Семейка гоблинов! – голос Виктора прилетел уже из кухни. – Ни грамма сочувствия, ни капли сострадания, сплошные угрозы! Уйду я от вас.

– Иди-иди, – проворчал Лешка, переводя себя в полувертикальное положение. – Далеко все равно не уйдешь.

– А я, между прочим, на диктофон пишу все угрозы, – на этот раз в руках у появившегося в дверях Виктора уютно устроилась тарелка с куском пирога. – На случай моей безвременной кончины в укромном месте припрятан страшный компромат на господина Майорова. Так что ты, Алексей, должен меня беречь, вот. И даже, не побоюсь этого слова, лелеять.

– Эх, – Лешка устало откинулся на спинку дивана, – не ту начинку сегодня Катерина в пирог положила. Не абрикосы там нужны, а стрихнин.

– Вот так, да? Ладно, – Виктор подошел ко мне, наклонился и громко прошептал: – Хочешь, открою тебе страшную тайну Майорова? Только тс-с-с, никому!

– Стукну, – лениво сообщил Лешка. – Тапкой. В лоб.

– Вот, Аннушка, на какой риск я иду, – зачастил Виктор, – но ты должна знать – в детстве Алексей переболел свинкой!

Чпок! Прилетел обещанный тапок. Но прицел был явно сбит, поэтому вместо лба был повержен пирог, что расстроило Виктора гораздо больше.

В общем, Лешка так в этот день никуда и не пошел. И на следующий не пошел. Его вполне удовлетворил результат первых трех дней: диагноз – практически здоров. Серьезных проблем с сердцем и сосудами нет, плохое самочувствие связано с переутомлением. Отдыхать надо больше, работать, соответственно, меньше. Сей судьбоносный вердикт по стоимости соперничал с подержанной иномаркой. Медицинское светило хотело, вероятно, новую машину, поскольку настаивало на углубленном обследовании, но... пришлось ему перечитать «Обломова».

Единственным положительным результатом этой заморочки с врачами стал отпуск. Лешка отпустил команду на месяц, и мы решили провести это время в нашем загородном доме. В новом доме. Старый, с которым было связано много неприятных воспоминаний, Лешка продал и купил другой. Конечно, большинство нормальных людей предпочитает строить соб-

ственный терем «с нуля», по своему вкусу. Но у Лешки возиться с этим не было времени, а у меня – желания. Ну не мое все это – строительные материалы, отделочные, выбор дизайнера, возня с рабочими, контроль, ругань – бр-р-р-р, кошмар!

Поэтому мы и остановились на готовом варианте. Остановились, недолго потоптались и выбрали. И вовсе не по Рублево-Успенскому шоссе. В тихом, спокойном месте в дальнем Подмосковье, где еще не ступала нога богатеньких и знаменитеньких. Поскольку оформлением сделки занималась я, никто в местной администрации даже не догадывался, кто на самом деле купил недвижимость в их поселке. Местные жители – тоже, поскольку маскироваться Лешка умеет.

Дом мы выбрали очень славный, бывшую дачу какого-то академика. Я всегда мечтала иметь такой. Просторный участок, заросший корабельными соснами, был обнесен высоким кирпичным забором. Забор полностью увит декоративным виноградом, и поэтому, несмотря на солидную высоту, не выглядит крепостной стеной, но в то же время надежно скрывает нас от посторонних взглядов. Здание просторное, двухэтажное, вкусно пахнущее деревом. Большая застекленная веранда, все удобства, вплоть до стационарной телефонной линии. Что еще надо для счастья? Отсутствие дурацкой рекламы по телевизору. Тут и так с талией проблемы, а они радостно сообщают, что при ходьбе мой животик увеличивается до восьми сантиметров. ЕЩЕ на восемь?! Да он и так уже...

Разозлившись, я щелкнула пультом, экран телевизора обиженно потемнел.

Пойду лучше на свежий воздух, на диване-качалке поваляюсь. Правда, встать с него элегантно у меня не получается, я из него элегантно вываливаюсь. Ничего, Лешка поможет, он должен скоро приехать.

Мы уже неделю наслаждались тишиной и покоем. Первые пару дней я не могла напиться сосновым вкусным воздухом. Кружилась голова, и все время хотелось спать. Что мы с Лешкой и делали. А потом наладили поставки свежих продуктов, договорившись с соседями. И теперь у нас всегда есть парное молоко, обалденно вкусный домашний творог, янтарно-желтые яйца, молодая картошка, горы зелени, огурчики, помидорчики – м-м-м! Вкуснятина!

Всего неделя – и наши лица посвежели, глаза заблестели, в Москву не хотелось.

Но сегодня утром кто-то все же Лешку выдернул. Кто – не знаю, звонили утром, я еще спала. Помню, что муж обещал вернуться часам к двум.

Вот и подожду его, вместе пообедаем. Готовим мы с Лешкой по очереди, причем делаем это с удовольствием. Раз в году такой казус случается.

Я спустилась по ступенькам и направилась к зарослям орешника, за которыми и был установлен наш диван-качели под веселеньким желтым навесом.

Я уже почти дошла, когда почувствовала мягкий упругий толчок. Ой! Замерла, приложив руку к животу. Вот еще раз. Лапа моя, солнышко родное!

Вообще-то мы с дочей постоянно на связи, я совершенно точно знаю, что у нас – девочка. Я даже знаю, как она выглядит. И она будет очень счастливой, потому что похожа на папу.

Но до сегодняшнего дня связь наша была ментальной. Теперь... теперь моя кроха толкается!

Быстрее бы Лешка приехал, так хочется поделиться с ним счастьем!

Я прилегла на диван. Покачалась. Села. Покачалась. Минуты тянулись, словно караван заморенных верблюдов.

Ну где же он!

Глава 7

Это же надо – я заснула! И пропустила момент возвращения мужа. Поскольку все сценарии встречи, придуманные раньше, задрыхли вместе со мной, придется импровизировать. Вот только...

Я и проснулась-то от какого-то странного ощущения. Странного для середины августа. Я очнулась от холода. Словно лежала на ледяном сквозняке, а не на нагретом солнцем уютном диванчике.

Я зябко повела плечами. Глаза открываться не желали, озноб, топоча холодными лапками, сновал по телу, гоняя туда-сюда табуны мурашек.

Да что ж такое-то! Неужели так резко похолодало? Не хватало еще простудиться. Надо срочно возвращаться в теплый дом.

Глаза, наконец, соизволили открыться. Чтобы тут же зажмуриться, не желая видеть немислимое.

Окаменевшее лицо моего мужа. Запечатленное в камне слегка брезгливое выражение. И ледяной холод в глазах. Абсолютный ноль, убивающий все живое.

Малышка испуганно забилась. Я успокаивающе погладила живот:

– Тихо, тихо, родная. Это папа, не бойся.

– Папа? – раздался чужой, скрипучий голос, полный тоски.

– Господи, Леша, что с тобой?! – я отважилась снова открыть глаза. – Что случилось?

– Ты... – всего две буквы, но каждая буквально сочится болью. – Как ты могла? Как?!

– Леша, я не понимаю... – озноб добрался до губ, они задрожали и отказались подчиняться. Горло сдавил спазм.

– Я тоже не понимаю. Господи, как же больно! – сквозь стиснутые зубы простонал мой муж, по камню пошли трещины, лицо Алексея чудовищно исказилось.

Майоров швырнул мне на колени большой конверт из плотной бумаги, судорожно сжал задрожавшие пальцы, развернулся и побрел к дому.

Именно побрел, потому что трудно идти на почти негнущихся ногах.

А я с ужасом смотрела на конверт, боясь к нему прикоснуться. Открывать не хотелось, конверт смердел. Разумеется, не в прямом смысле слова. Заберите от меня эту дрянь, я не хочу видеть содержимое, НЕ ХОЧУ! Оно убивает моего Лешку, значит, убьет и меня!

Но смотреть придется. Врага надо знать в лицо, даже если вместо лица – гнусная харя.

Гнуснее не бывает.

В конверте лежали фотографии. Немислимые фотографии, в клочья разорвавшие мой теплый счастливый мир.

Не знаю, как долго я просидела на мерно покачивающемся диване. Время застыло, не было мыслей, чувств, эмоций. Липкая пустота затягивала все глубже. Ну и пусть, я не хочу больше жить.

Но сквозь оцепенение и апатию, сквозь удушливый мрак ко мне настойчиво прорывался какой-то огонек. Он бился в невозможной дали, он мерцал и плакал.

Это плакала моя дочь, не давая мне уйти, удерживая на грани бытия.

Тогда, в подвале чешского дома, она тоже плакала. Но от горя. А я не могла понять, почему.

Теперь знаю. И жить с этим знанием не могу.

А я еще не могла понять, зачем Андрей Голубовский потащил меня в дом на окраине Клатовы, вколол какую-то гадость, после которой я уже ничего не помнила и очнулась лишь в подвале, где меня и нашли Саша и Слава. События тогда неслись галопом, поэтому особенно заморачиваться на эту тему я не стала.

И, как оказалось, зря. Беда ползла за мной следом, медленно и уверенно, словно асфальтовый каток. Она знала, что догонит. И догнала. И прошла по моей жизни торжествующе-беспощадно. И раздавила эту жизнь, разбросав в качестве надгробия глянцево-яркие фотографии, на которых Андрей Голубовский и я... Мы... Гадость, мерзость! Но самое гнусное, самое убийственное состоит в том, что я не лежу бесчувственным бревном. МНЕ ЭТО ПРАВИТСЯ!!!

Очередной спазм, более сильный, перехватил не только дыхание. Он остановил сердце. Вот и хорошо.

Деревья, небо, трава – все стало медленно вращаться вокруг меня, образуя гигантскую воронку, эпицентром которой была я. Вращение нарастало, вскоре оно захватило меня и потянуло вверх. Стало легко и свободно, там, наверху, разгоралось ослепительное сияние. Я счастливо рассмеялась и поспешила туда, ввысь...

Но в какой-то момент посмотрела вниз. Увидела свое тело, сломанной куклой лежавшее на мерно покачивающемся диване. А рядом...

Рядом со сломанной куклой сидела крохотная кудрявая девчушка, держала куклу за руку и с горькой обидой смотрела на меня.

Воронка закружилась с оглушительным ревом, свет наверху погас, дикая боль разорвала сознание.

Когда я открыла глаза, было уже темно. Вечер или ночь? А впрочем, какая разница. Вопросительно толкнулась дочка. Я усмехнулась и погладила живот. Не волнуйся, маленькая моя, мама в порядке. Почти. Но умирать больше я не собираюсь, не дождуся.

Не знаю, чего добивается эта тварь, Андрей Голубовский, ради чего устроил тогда в Чехии подобное скотство. Не думаю, что из простой мстительности, из желания испоганить мне жизнь. Андрюша ничего не делает без личной выгоды.

Но это меня уже не волновало. Мне надо как-то жить дальше, ради моей малышки. И без Лешки...

Но почему без Лешки? Да, это больно, невыносимо больно, но ведь я ни в чем не виновата! Я же рассказывала мужу про эпизод с инъекцией, мы с ним вместе гадали, что за этим стоит. Нам следует сесть рядышком и все обсудить. Неужели он не понимает, каково МНЕ с этим жить? Неужели он всерьез верит, что я могла по собственной воле лечь в постель с этой гнусью? Ведь мы же... мы же две половинки одного целого, мы чувствуем одинаково, думаем одинаково, дышим наконец! И у нас есть дочь, наша малышка, появления которой мы так ждали.

Я уговаривала себя, убеждала, находила еще много веских и обоснованных причин не превращать несчастье в катастрофу вселенского масштаба.

Но сквозняк, гулявший по опустевшей, выгоревшей душе, не обращал на мой бубнеж никакого внимания. Он подошел к покрытому гарью окну и написал всего лишь одно короткое слово: «НЕТ».

У меня не получалось даже заплакать. Глаза горели, словно их засыпало песком.

Я встала с опротивевшего навсегда дивана. Фотографии рассыпались, поблескивая, словно болотные окна. Посмотри – и провалишься в вонючую бездну.

Хватит, насмотрелась. Еле выбралась.

Я подошла к крыльцу и с грустью взглянула на безжизненно поникший дом. Окна не светились теплым светом, значит, Алексей уехал. Скорее всего, сразу после того, как отдал мне фотографии. Боялся, что я побегу следом оправдываться и выяснять отношения?

Какая разница, о чем он думал и чего боялся? Ведь все это было сгоряча, он успокоится, наша дочь...

НЕТ.

В дом идти не хотелось. Больно очень. Там – еще теплилась жизнь, которой больше нет.

Но придется. Слишком поздно, чтобы уезжать. Машина моя в городе, потому что Лешка... Алексей запретил мне садиться за руль с моим пузиком. С животом. Заботился о беременной жене. Любил. И любит...

НЕТ.

Да, да, да!

НЕТ.

Так, ладно, пора спать. Надо бы поесть, дочу покормить, но кусок в горло не лезет. Тошнит от одной мысли о еде. Потерпишь, солнышко?

Мягкий толчок. Спасибо, родная.

Я вошла в дом и, не зажигая света, потащила себя наверх. В нашу спальню? Нет, в гостевую. Там нет воспоминаний.

На пороге комнаты мои силы вдруг закончились. О том, чтобы принять душ, не могло быть и речи. До кровати бы добраться, не уснуть на коврик.

Добралась. И отключилась.

Включаться не хотелось. Совсем. Но солнце, ворвавшееся в комнату сквозь не зашторенное окно, тормозило меня, светило сквозь веки, щекотало теплым лучиком лицо. Спать дальше не получилось.

Ого, уже почти двенадцать! Так, надо быстренько собрать вещи, главное, не забыть паспорт. Но вначале – душ!

Вода смыла напряжение, привела в порядок мысли. Но смыть боль не смогла.

Все свои вещи я забирать не стала, тяжелая сумка мне ни к чему. Белье, пару платьев, сменная пара обуви – и достаточно. А свидетельство о браке пусть остается в московской квартире Алексея.

Внизу было пусто и тихо. Значит, Алексей не вернулся. Вот и хорошо. Пойду, покормлю малышку.

Ничего хорошего. Я вяло дожевывала бутерброд с сыром, запивая его кофе, когда услышала шаги на крыльце.

Сердце вскрикнуло и забилося. Руки задрожали, расплескав кофе. Бутерброд выпал сам.

Надежда, которая, как я думала, ушла совсем, прибежала и, задыхаясь, замерла.

Лешка, ты пришел, ты...

НЕТ.

Лицо моего мужа заледенело еще больше. А глаза опустели, в них не было даже боли. Он стоял в дверях и молча смотрел на меня. Смотрел с холодной отчужденностью. Я нашла, не знаю где, силы встать и взглянуть в лицо моей жизни. Той жизни.

– У меня к тебе только одна просьба, – голос мой почти не дрожал, держись, ты сможешь!

– Какая же? – приподнял бровь Алексей.

– Пожалуйста, займись оформлением развода сам. Я написала, что согласна с любым твоим решением. Бумага на столе в гостиной. Что касается нашей дочери...

– Нашей дочери?

– Да, нашей дочери, – я удивленно посмотрела на Майорова. – Та гнусь, что на фотографиях, происходила в день свадьбы Вики, утром. Если помнишь, я рассказывала тебе о непонятной ситуации с уколом.

– Всю ночь думала? – пустота в его глазах сменилась презрением. – Выкрутиться надеялась?

Я задохнулась и сжала зубы так, что они заскрипели от напряжения. Говорить в таком состоянии было трудно. Да и что говорить? Оправдываться, доказывать?

– И не надо смотреть на меня, как на подонка. – Алексей брезгливо скривил губы. – Я, скорее, доверчивый кретин. Но ничего, это поправимо. А на развод я подам, не сомне-

вайся. Если ты думала убить меня своим благородством, то ошиблась. Что касается ТВОЕЙ дочери... – он издевательски скопировал мою интонацию.

Это привело меня в боевую готовность. Да что же это происходит такое? Он решил отказаться от ребенка? Неужели я в нем настолько ошибалась?

– Хорошо, пусть будет моей, – я усмехнулась, взяла сумку и направилась к выходу. – Мы и не собирались претендовать ни на что, – с трудом вздохнула. – Ни на что, кроме отцовской любви.

– Отцовской?! – ноздри Алексея побелели от ярости. – Какая же ты дрянь! – трясущимися руками он вытащил из кармана какую-то бумажку. – Вот, смотри! Ты хихикала, что я переболел в детстве свинкой? Хихикай снова – болезнь не прошла без последствий. У меня не может быть детей. Я БЕСПЛОДЕН!

Глава 8

Абсурдность этой информации на время отключила мое восприятие. Я смотрела сквозь что-то кричавшего Алексея, ничего не ощущая. Ступор. Или топор, расколовший вдрызг мозг.

Не-е-ет, вовсе даже не топор. А хороший такой, увесистый подзатыльник, основательно встряхнувший пустоту внутри. И оказалось, что там совсем не пусто. От толчка вернулись все чувства и эмоции. Последней, чихая и кашляя, с грохотом обрушилась откуда-то способность к логическому мышлению.

Я-то знаю, что малышка НАША. У меня, кроме Лешки, никого нет и быть не может. Эпизод с Голубовским глумливо ухмыльнулся, получил пинок в зад и улетел в тесный чулан. Там ему и место, надо будет замуровать на досуге.

Значит, у Андрея есть сообщники. Кто-то ведь сфальсифицировал результат анализа. Кто-то передал эти фотографии Алексею. Кто-то постоянно нагнетал обстановку, исподволь настраивая мужа против меня. Кто-то, кто был рядом...

– Откуда у тебя эти фотографии? – бесцеремонно вклинилась я в мутный поток его обвинений.

– Что? – Алексей, наполненный яростью до самой макушки, не мог переключиться сразу.

– Во-первых, прекрати орать, – сухо процедила я, подходя ближе, – не забывай, что перед тобой – женщина, причем беременная. Я не желаю выслушивать твой бред. И доказывать ничего не собираюсь. Если ты вот так, с ходу, поверил в невозможное, значит, я в тебе ошиблась.

– Ты?! Ты ошиблась?! – Майоров задохнулся от возмущения.

– Я. Потому что когда против тебя началась травля, я ни секунды не сомневалась в твоей невинности.

– Это – совсем другое дело.

– Нет, Лешенька, не другое. Но, повторюсь, унижать себя оправданиями я не буду.

– А что во-вторых? – сухо поинтересовался Алексей. Если человек не хочет слышать, он не услышит никогда. – Ты пафосно начала с «во-первых».

– А во-вторых, собери мозги в кучку, напрягись и постарайся ответить на мой вопрос. Без воплей и истерики.

– Не хами, – буркнул Майоров. – Пакет Катерина нашла в нашем почтовом ящике. Запечатанный. И позвонила мне.

– На конверте, кроме твоего имени, ничего нет. Значит, бросил его не почтальон. Как пакет мог попасть в ящик без ведома консьержа? Ты спрашивал у охраны?

– Нет. Какая разница – кто, как?! – голос Майорова опять взлетел ввысь. – После того, как это увидел, я... А ведь там еще и диск с видеозаписью имеется. Хочешь, вместе посмотрим? Славный фильм, немецкое порно отдыхает.

– Ты сейчас отвратителен, – спокойно заявила я. Но, Бог мой, как же трудно далось мне это спокойствие!

– Я?!

– Ты. И был отвратителен тогда, когда сразу же побежал проверять свое отцовство.

– Ну и что? Если раньше я не обращал внимания, когда мне говорили, какой я счастливчик, раз не получил осложнения после паротита...

– Кто говорил?

– Какая разница? Зато благодаря ей я смог оперативно выяснить правду.

– Ей? Ирине... – я усмехнулась и покачала головой. – Все ясно.

– Что тебе ясно? – глаза Майорова сузились, он опять заорал: – Хватит! Хватит выкручиваться и пытаться переводить стрелки на совершенно непричастных людей! Да ты...

Я отключила слух и, стараясь не смотреть на искаженное, чужое, но в то же время такое родное лицо, прошла мимо мужа и вышла на крыльцо.

Постояла, прощаясь с домом, деревьями, птицами. Правда, пение птиц заглушал натренированный голос выбежавшего следом Майорова, но попрощаться нам удалось.

Так, куда теперь? На автобус или на электричку? В автобусе сейчас невыносимо душно и воняет, день сегодня жаркий. Значит, остается электричка.

Я спустилась с крыльца и направилась к калитке. Шум позади смолк, заскрипел гравий на дорожке, затем Алексей, соревнуясь с гравием, сипло проговорил:

– Садись в машину, довезу до Москвы.

– Спасибо, не надо.

– Не дури, вон духота какая. В твоём положении...

– Как ты недавно подчеркнул, это – исключительно МОЕ положение, – я подошла к калитке, оглянулась и, горько улыбувшись, сказала: – Какой же ты дурак, Лешка. Прощай.

И быстро, боясь разреветься, захлопнула калитку, окончательно разделив свою жизнь на «до» и «после».

Хотя в поселок я обычно добиралась на машине, но расположение железнодорожной станции приблизительно представляла. Где-то в получасе ходьбы от нашего дома.

Ага, в получасе. Легкой, упругой походкой по утренней прохладе. А под палящим солнцем, опустошенной и измотанной, да еще с малышкой...

В общем, когда спустя час я почти вползла на платформу, в висках пульсировало только одно желание: «Пить!!!»

Буфетчица, увидев меня, всплеснула руками:

– Да что же вы делаете, женщина? Вы с ума сошли! Ребенка потерять хотите?

– Нет, – прошелестела я, – не хочу.

– Так что же вы в такую жару, без шляпы, да без зонтика! У вас же лицо красное, как помидор!

– Вот, – я протянула ей деньги, – минералки дайте, пожалуйста.

– Да-да, сейчас, у меня холоденькая есть. Вы присядьте!

– Спасибо, – я прижала запотевшую бутылку к щеке и блаженно закрыла глаза. – Не знаете, электричка на Москву скоро?

– Через полчаса. Вы и билет купить успеете, и отдохнуть. И чего вас понесло в такую жару в Москву? Поехали бы вечером, когда прохладно.

– Так получилось, – я благодарно улыбулась приветливой женщине и открыла минералку.

Да-а-а, в сказке о живой воде все же есть доля правды.

Минералка плюс отдых действительно вернули меня к жизни. А когда я, купив билет, обнаружила неподалеку от платформы чудесный тенистый скверик, жизнь не просто вернулась, она привела с собой силы. Физическую и душевную.

Электричка, к счастью, оказалась полупустой. Открытые окна не пускали духоту в вагон, поэтому полтора часа до Москвы утомительными не были. Почти.

Они были размышлительными.

И мне, и ежу понятно, что вокруг нас с Алексеем опять сплели клубок провокаций. И то, что Майоров оказался глупее ежа, можно считать печальным, но все же фактом. Кем это затеяно? Разумеется, Голубовским. Причастен ли к этому фон Клотц? Вряд ли. Он находится в немецкой тюрьме, оттуда особо не поучаствуешь. А вот Андрейка, сидя в белорусской колонии, вполне на это способен. Зачем? Вопрос, конечно, интересный. Тогда, в Чехии, сия мерзость была, скорее всего, вольной импровизацией. Больно уж я досадила заговорщикам, вот и

решил Андрюша совместить приятное с полезным. По принципу – а вдруг пригодится? Шантажировать, к примеру, можно. У меня ведь муж кто? Звезда. Терять его не захочется, можно будет денежку с меня тянуть.

Но, судя по происходящему, планы его изменились. Меня решили убрать из жизни Майорова, причем так, чтобы он и слышать больше обо мне не захотел. А на вакантное место жены пристроить своего человечка. Лешка-то совсем небеден. Более чем небеден. Раз обломилось с наследством Саши, значит, надо найти другое.

Но каким образом Андрей смог договориться с племянницей Катерины? Впрочем, кто сказал, что Ира – действительно ее племянница? Сама Катерина? Так она родственницу с детства не видела, и как та выглядит сейчас – понятия не имеет. Подсунуть ей вместо настоящей племянницы поддельную – как нечего делать. Отца на зоне убили, мать умерла якобы от горя – все, уличить мадам некому. Где настоящая Ирина? Надеюсь, что жива.

Что же касается мифического Лешкиного бесплодия... Кто привез его медицинскую карту из архива? Ирина. Что мешало ей добавить туда сведения о паротите? Ничего. Сам Алексей не помнит ни о какой болезни. Маленький был. Маленьким-то он был, а вот болезни, скорее всего, не существовало. А уж анализ на бесплодие за сутки тоже помогла сделать Ирина! Это подстава, в которую мог поверить только обезумевший от ревности мужчина.

Слезы опять скопились у меня в углах глаз, стремясь просолить мне щеки. Нет уж, ребята, давайте не будем терять драгоценную влагу. Да, больно, да, горько. Больно, когда тебя предает человек, без которого нечем дышать, горько от мучительной обиды за дочь.

Но выводить на чистую воду мошенников я не буду. Пусть бултыхаются в своей грязи, пусть тянут туда Майорова.

Каждый выбирает по себе,
Выбираю тоже, как умею.
Ни к кому претензий не имею.
Каждый выбирает по себе.

Всегда любила это стихотворение Левитанского, но никогда не думала, что так мучительно больно – не иметь претензий к избраннику. И с кровью, с хрустом рвать себя надвое, оставляя свою половинку другим.

Куда же мне теперь? К Левандовским? Но это наши общие с Алексеем друзья, я не могу туда. Домой, в свой город, в пустую, запыленную квартиру? Это потом, сейчас оставаться одной нет сил. Мне нужна поддержка, теплое дружеское плечо. Таньский? Не получится. Она в Швейцарии, а туда требуется виза. Мне же нужно куда-то поехать прямо сейчас, в московскую квартиру я даже заходить не хочу.

Электричка засопела, останавливаясь. Я вышла на платформу и осмотрелась. Вот и решение! Это же Белорусский вокзал!

Мобильник, естественно, оказался на самом дне сумки. Нашел время в прятки играть! Так, теперь нужный номер.

- Привет, Анетка! – зазвенел нежный голос. – Почему не звонила так долго?
- Саша, – только и смогла выговорить я. И расплакалась.
- Анетка, что случилось? Господи, да что с тобой? – ну вот, у Сашки голос тоже задрожал.
- Саш, ты где сейчас, в Минске?
- Да.
- Можно я к тебе приеду?
- Конечно! Когда?
- Я на Белорусском вокзале. Сейчас пойду и возьму билет на ближайший поезд. Можно?

– Да что ты заладила – «можно, можно»! Нужно! И не забудь перезвонить, сообщить номер поезда и вагона. Я тебя встречу. И держись там, не раскисай!

– Попробую.

Глава 9

Вот уж не думала, что взять билет до Минска окажется делом довольно проблематичным. Поездов ведь в ту сторону идет немеряно: на Варшаву, на Берлин, Прагу, Калининград, Вильнюс и так далее.

Но билет на нижнюю полку был только в дорогуший СВ «единички», то есть фирменного поезда Москва—Минск. Наличности в кошельке, естественно, не хватило, пришлось искать банкомат. А потом постараться донести деньги до кассы в целости и сохранности, поскольку взъерошенная тетка полубезумного вида, владеющая кредиткой и дорогим мобильником, вызвала пристальный интерес вокзальных аборигенов.

Аборигенам обломилось. Они еще какое-то время покрутились возле меня в зале ожидания, но это уже так, для очистки совести. Или что у них там вместо этого атавизма?

На жутко неудобном пластиковом кресле пришлось промучиться еще около трех часов, прежде чем объявили посадку на мой поезд.

Я так устала за эти страшные сутки, что в купе смогла только дождаться прихода проводника за билетами. После чего отключилась.

И это хорошо. Правда, воспоминания о том, что в точно таком же купе мы с Лешкой вдвоем ехали в Минск в прошлый раз, пришлось удрученно изгнать и припрятать гигантские носовые платки, предназначенные для продолжительных рыданий.

Утром платки тоже негодились, поскольку обладательница воспоминаний нагло и бесчувственно продрыхла практически до самого Минска.

Саша, приготовившаяся увидеть расплывшийся кисель, была, вероятно, слегка удивлена суровым и сосредоточенным лицом подруги. Это был просто какой-то член реввоенсовета перед судом над белогвардейской сволочью.

Короткими, рублеными фразами член РВС наметила промежуточный пункт назначения, после посещения которого смогла, наконец, адекватно воспринимать реальность.

А реальность оказалась очень даже ничего. Кондиционированный салон сверкающего лаком «Лексуса» манил меня своей прохладой.

Долго манить не пришлось. Я с удовольствием юркнула... хм, опять выдаю желаемое за действительное! Увы, не юркнула, а довольно неуклюже устроилась на мягком кожаном сиденье.

– Анетка, не забудь ремень пристегнуть, у нас с этим строго, – Саша повернула ключ зажигания, двигатель отозвался ласковым мурлыканьем.

– Александра, ты видишь перед собой самого дисциплинированного в мире человека! – пафосно сообщила я, шелкая ремнем безопасности.

– Вы хотите об этом поговорить?

– Именно, именно об этом!

Всю дорогу до Сашиного дома мы болтали и об этом, и о том, и еще о сем. В общем, о чем угодно, только не о причине моего бегства из Москвы.

Саша жила в очень красивом новом доме, построенном из темно-красного кирпича. Огороженная территория, консьерж, шикарные квартиры да плюс к этому великолепию – лес за окном. И пусть это всего лишь остатки леса, но дышится здесь легко.

– Вот мы и дома, – Саша распахнула передо мной дверь. – Проходи.

– А где твои дети?

– Слава – в оздоровительном лагере. Он каждый год туда вместе с одноклассниками ездит, а в этот раз у них прощальная гастроль. Не волнуйся, через три дня явится. А пока наслаждайся покоем и тишиной.

– Со Славой все ясно. Но ведь у тебя вроде еще ребенок был? – я свела глаза к переносице, изображая мучительные размышления. – О, девочка вроде! Да?

– Ты гений! – Саша восхищенно всплеснула руками. – Как есть гений!

– Как есть не буду, – угрюмо пробурчала я. – Сами их ешьте. Так где девчушка-то?

– Девчушка в Германии, у бабушки. Проходит интенсивный курс немецкого языка. Она же в Берлинский университет поступила, на юридический факультет.

– Еще бы не поступила, у нее ведь золотая медаль, да?

– Вика у меня молодец. И преподаватели навстречу пошли, помогли ей. Ведь мало того, что она пропустила половину четверти, так потом еще почти две недели в клинике неврозов лежала.

– Зая моя!

– Ничего, – Саша улыбнулась, – мы справились. Экзамены Вика сдала на «отлично».

– А как Слава после всего, тоже в клинике лежал?

– Ты знаешь, нет. Он очень повзрослел, пережитое смыло всю шелуху, и теперь это совсем юный, но мужчина. Сильный, честный, добрый и очень заботливый. Детство, конечно, еще поигрывает, ему ведь четырнадцать всего, но в целом я своими детьми могу гордиться. И горжусь.

– А с отцом они как?

– Никак, – Саша налила воды в электрический чайник и включила его.

Мы сидели с ней в просторной кухне. Беседуя, Саша одновременно накрывала на стол. Наверное, следовало бы принять душ с дороги, но меня так разморило в этом уютном доме, что сил хватило лишь добраться до славного диванчика, расположившегося у окна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.